

Владимир
Абрамсон

ОТНЮДЬ

Владимир Абрамсон

Отнюдь

«Accent Graphics communications»

2015

Абрамсон В.

Отнюдь / В. Абрамсон — «Accent Graphics communications»,
2015

Журналист по определению многое видит, и кое-что знает. С годами вызревают книги. Все действующие лица рассказов не вымышлены. Они живут в России, судьба посылает их в Германию, Латвию, Швейцарию. Они любят, встречаются с друзьями и врагами. Служат в армии. Ищут свое место в сложном и противоречивом мире. Будьте снисходительны к их страстям и ошибкам. По слухам, жизнь бывает лишь однажды. Полюбите Сергея, персонажа нескольких рассказов. Задумайтесь над женской судьбой удачливой и модной Веры. Узнайте о русском мальчике Степе в Германии. Автор их любит.

© Абрамсон В., 2015

© Accent Graphics
communications, 2015

Содержание

Война детей	5
Отнюдь	11
Германистка и Борис	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Владимир Абрамсон

Отнюдь

Война детей

Перед войной мне исполнилось двенадцать лет. Сладко грезить о юных светлых годах. Но завтра была война.

Последние сорок лет я пишу лишь инженерные сметы да выговоры нерадивым работникам, искореняя завет «платите нам сколько хотите, только не заставляйте работать». Полагаю, в писательстве, как в любом деле, есть методы и правила. Как закон стройки: котлован, фундамент, стены, наконец крыша. Открыл Интернет на «Литературной учебе».

«Первая, начальная фраза должна заклинить внимание читателя и информировать, куда он попал. *Придумайте примеры*. Написалось: «Наконец больной сам протянул ноги», роман из больничной жизни. «Рожать Инночка категорически отказалась, мотивируя слабым здоровьем мужа». Бытовая драма по телевидению».

Затем автор должен перейти к действующим лицам и кратким характеристикам.

Агеев старше на год, простоват и мускулист. С ним драться – себе дороже. В третьем классе тягал девчонок за косы. Курил, но бросил. Врет, будто водку пил. Подделывает в дневнике подпись матери. Она малограмотная. Кличка Агей.

Мать ходит на работу по ту сторону Москвы – реки по льду. Замерзает страшно. Стану капитаном, буду ее на ледоколе отвозить.

Израиль (имя) по двору, конечно Изя. Что ни спроси, Изя знает. Он боится инвалида – сапожника, тот деньги у ребят вымогает. Изя украл у матери тридцатку. Сапожник такой суммы испугался и денег не взял. Мы купили килограмм ирисок. В жару они растеклись коричневым месивом. Три рубля разменяли потри копейки. Рядом с Дворцом культуры имени Горбунова трамвайный круг номеров 31 и 42. Укладывали медяки на рельсы и трамвай превращал их в пятикопеечные. Сбыть их можно на Фабрике – кухне. Так называлась трехэтажная рабочая столовая на Первомайской. При этом осталось еще море денег от Изиной тридцатки.

Учится Изя плохо, у доски молчит. Училка ставит неуд, неудовлетворительно. Спрашиваю – ты что, не знаешь, куда впадает Днепр?

– Знаю, конечно. Но скукота. Спросила бы что – ни будь... об истоках Нила, например. Англичанин открыл, Джон Хеннинг Спик. Офицером он воевал против России в Крыму. Помнишь, в «Севастопольских рассказах», как снаряды посыпались, старый солдат говорит юнкеру, то есть Льву Толстому, «шалит англичанка».

Я пристыженно кивнул.

Потом он годами путешествовал по Африке и открыл озеро Виктории, откуда течет Нил. В середине девятнадцатого века. Вернулся в Англию и погиб на охоте. То ли самоубийство, то ли застрелили. Она же, географичка, дальше Днепра не знает.

Решил, буду читать книги и стану умным, как Изя.

Я рыжеват, голубоглаз, курнос. Кличка Вевеле: домработница Фрида кричит из окна «Вевеле, домой!». От настоящего имени Владимир. В семье не знают идиш, хотя пришли в мир из черты оседлости. Фрида разговаривает сама с собой. Она из городка Александрия на Украине. Учит меня: фалле ду дурх эрде – провались ты сквозь землю. Юден, кум а гер – евреи идите сюда. Шикса – шлюха. Медль дие уншульд ферлорен – девушка, потерявшая невинность.

– Ты пока этого не поймешь, – говорит Фрида.

– Почему же, пусть поищет, завалилась где – ни будь, – отвечаю, поняв лишь два слова: девушка и потеряла. Фрида смеется.

Я стану военным летчиком. Мама сопротивляется опасностям профессии и дальним гарнизонам. Видит меня врачом, как отец. Он ко мне удивительно равнодушен и вовсе не замечает. Не по злобности характера. Я ему неинтересен.

Плохо, нашел дневник, девичьи записки мамы. Самое худшее – я прочел их. Еще до революции семья по каким – то причинам перебралась на Урал. В Благодаренск, сейчас Красноуральск, на медные рудники. Мама и сейчас говорит «рудник» с ударением на первом слоге. Ей нравится молодой инженер Смеляков. В сюртуке горного инженера, с погончиками. Рассказывает, в медных залежах есть капли алмазов и даже золота. В подарок алмазная капля. У него прекрасная лошадь на выезд, или под седло. Они катаются по вечерам. В Благодаренске он словно с другой планеты. Вокруг города красные глинистые увалы медных выработок. Уезжают далеко, оставляют бричку. Тайга.

Мама знакомится с родителями жениха. Непременное условие свадьбы – крещение невесты. Беседы со священником. К будущей христианке он равнодушен.

На этом дневник обрывается. Крестилась ли мама. Была ли свадьба. Чей я сын?

Папа и мама живут дружно. Отец педиатр – фтизиатр, то есть специалист по детскому туберкулезу. К советскому празднику написал небольшую газетную статью «Детский туберкулез в Подмосковье побежден». – Зачем врать, – закричала мама и ударила свернутой в трубочку газетой по лысине.

Мы живем в Москве, в Филях. К войне мы готовы, весь наш поселок Первомайский работает на знаменитом, секретном авиазаводе номер 23 имени Горбунова. Строим истребители ЯК – 1 и бомбовозы Пе-2. Там где река Москва делает почти замкнутую петлю, вырезая полуостров, заводской аэродром. Огорожен бетонной стеной до самой воды. Войдя в реку, обойдешь стену.

Увидели живой истребитель, сияющий под полуденным солнцем и полезли по приставленной лестнице, прикоснуться. Пришла большая овчарка и смотрела на нас. Прибежал красноармеец, пнул собаку и отвел нас в сарай. Милиционер с одной шпалой на воротах гимнастерки домогался, кто нас послал. Пугал детским домом.

– Мы купались, товарищ майор – сказал Агей. И это правда.

– Там где пехота не пройдет, и бронепоезд не помчится, угрюмый танк не проползет – там пролетит стальная птица, – сказал интеллигентный Изя. Какая – то тетка говорила о том и сем и вдруг спрашивала, что мы хотели в кабине отвинтить. Наклонилась к столу и вырезе платья видны груди. Но не до конца, конечно. Поменьше Фридиных. Мамины совсем маленькие. Она врач заводской поликлиники и все её знают. Выдержала нас за проходную. И стали мы как братья. Ни у кого из нас братьев нет.

В Изином семействе обнаружилась пропажа. За тридцатку он даже подзатыльник не получил. Разговоры разговаривали. Лейнбогены меня искренне интересуют. Владимир Германович среди наших фуражек носит берет. Здоровается с каждым, даже незнакомым. Мадам делает голубой маникюр и – сказала мама – красит ресницы. Я думал, маникюр может быть только красным. Мадам одевала фильдеперсовы чулки. Ноги казались длинней. Изя изъяснил, родители микробиологи. Таинственно.

Постепенно кончились дворовые игры. Уединившись с Изей, говорили о серьезном окружающем мире. Несколько лет назад объявилась Еврейская автономная область на Дальнем Востоке, пятнышко на карте России. Приглашали добровольцев переселенцев. Владимир Генрихович, Мадам и Изя уехали в Биробиджан. Микробиологи там без надобности. Поселили временно в деревне на берегу Амура, определив в рыболовецкую бригаду. Амурский осетр, белуга, горбуша.

Школа в бревенчатом доме. Ребята местные, ни понимания, ни друзей. Каждый день после уроков Изя шел на почту. В лесу было пасмурно и страшно. Не потерять бы узкой тропки. Номер поселковой почты 87. Ночью снилась упавшая набок восьмерка и семерка как виселица. – Проживу 87 лет – рассказывал Изя. – Или $8+7=15$. Всего? Отец Изя ждал письма из Москвы. Полтора года прожили на Дальнем Востоке.

Я слушал напряженно. Будто в резиновых сапогах выше колен вхожу в амурскую воду. Вот я на свадьбе. Конечно, фаршированная рыба. Невесте подают рыбью голову. Гости ждут. Если быстро вычистит вилкой и съест, станет хозяйкой семьи, детей нарожает.

Я будто жил на третьем этаже за черной дощечкой «В. Г. Лейнбоген». В реальности одну комнату занимали дядя Толя и тетя Аграфена, или Граня. Толя в гражданскую войну командовал красной полуротой. Тихий регулярный алкоголик. В регулярные дни приглашал Владимира Генриховича выпить, и обижался отказом. Тетя Граня высока и толста, не помещается в туалете и дверь не закрывает.

Я хранил и не выдал тайну: Мадам носит на сгибе локтя левой руки коробочку без дна. В ней вши. Напьются ее крови и в лабораторию на подопытные пробы. Как бороться с вшивостью на случай войны.

Началась война и в июле немцы бомбили Москву. Излучина Москвы – реки светлой летней ночью далеко видна, и завод и поселок бомбили часто. Мы хватали одеяла и бегом в Филевский парк. Отец полагал, лес бомбить не станут. Через неделю при налете густо посыпались на парк бомбы. Узнал от взрослых, наши саперы запрудили ничтожную речку Фильку, разлили, как Москва – реку. Фашистские летчики потеряли ориентиры.

Детей вывозят из Москвы. По Первомайской улице подходят автобусы и на тротуаре мы с дерматиновыми чемоданами и печальными родителями. Долго ехали и в сумерках очнулись в покинутом пионерском лагере где – то под Истрой. Пионервожатую тетку лет пятидесяти мы редко видели. Были последние жаркие дни августа. Плавали с Катей и Мариной в теплой речке. У Изя девочки не было, сидел на берегу. Однажды в воде я схватил Марину, прижал к себе и поцеловал. Она вырвалась. – Плебей ты, Вова. – Кто такой Плебей я не знал и не обиделся. Приехали к своим деткам женщины. Мне письмо от мамы. Отец в армии, она едет в эвакуацию со всеми заводскими. Позже писем не стало. Я остался один и плакал по вечерам. Никто будто не замечал. Было уже в нас остервенение, драки за лишнее одеяло, за место в столовой.

Пионерлагерь преобразовали в детский дом. Рухнула жизнь. Старший воспитатель Пал Палыч выстраивал мальчиков в колонну по четыре. Мы маршировали под его песню. Поздно вечером чистили картошку к котлу. Утром в котле песок. Диверсия. А кто ночью картошку чистил? – *Эти трое первомайские*. Милиционер вызывал по одному, орал, что Изя уже признался. Глаза у милицейского странные. Казалось, он улыбается и орет понарошку. Пришел здешний довоенный повар. Что – то мерил и рыл во дворе.

– Водопроводная труба ржавая прохудилась и подсасывает песок.

Милицейский на пушку брал, Изя нас не сдал.

В октябре стало холодно и сгустилась тоска. Мы решили бежать в Москву. Девочки Катя и Марина не пошли. Оно и лучше. План был выйти к каналу Москва – Волга и по берегу пешком в Москву. – Допустим, будем идти не спеша, пять километров в час. Тогда в первый день километров сорок одолеем. Ночуем в деревенской избе. На второй день вечером в Москве, – убеждал я.

В первом этаже детдома жила сестра – хозяйка Августа. – Немецкое имя, – сказал Изя, который все знает. Не подумав, как опасно утверждать это в отчаянные первые месяцы войны. Стали за спиной звать её Августа – СС. Скоро Августу куда – то увезли. Вернулась дня через четыре со смертельной ненавистью к Изе.

Августа воровала по мелочи продукты. Я давно приметил, подглядывая в её окно. В конце дня в своей комнате она снимала юбку и там на ремешке был мешочек. Вынимала колбасу, порционное мясо. Сахар – рафинад.

Невесело смотреть на бабу в длинных трусах с резинками под коленями.

Выждали момент и Агей открыл хилую оконную раму. Я влез и собрал в мешок хлеб, консервы, паштет какой – то и термос для воды. Много. Поворачиваюсь уйти – грохот за спиной. Ну, конец, тюрьма по мне плачет... Статуэтка с полки упала. Рабочий с молотом и колхозница с серпом.

Пошли как обычно клееной полосе, потом бегом, спотыкаясь о валежник. Отдышались, идем в надежде увидеть наконец канал. Впереди прямая узкая полоска воды. Где величественные шлюзы канала имени Сталина, увенчанные скульптурами парусников и других кораблей? Мы видели в кино.

– Не чеши репу, Вевел, она пустая. Куда ты нас завел? Агей любит точные формулировки.

Честно не знаю, но говорю – здесь налево. В минуту повзрослел от ответственности: по берегу налево.

Наконец за протокой, рядом с которой мы неуверенно брели, высокая насыпь. За ней в бетонных берегах канал. Недвижная вода. Небольшой дом, заброшенный. У стены шлюза привязан холодный буксир «Третья пятилетка». Ясно, людей здесь нет. Идем и разговариваем тихо. Пустая деревня Карловка. Дачи. Солнце горит в окнах, ни души. Собака к нам привязалась, отстала. Страшно в пустоте и оцепенении. Говорят, «страх объял». Он нас обтекает. Кто – то невидимый смотрит неподвижным глазом. Нашли сенной сарай и разлеглись отдохнуть. Агей лег на живот и заснул. У меня давно мысль с Изей поговорить. Конечно, о судьбе евреев в Германии я лишь смутно знаю. Но дважды видел фильм «Профессор Мамлок». (В Первомайском кинотеатра нет, вечером показывали в зале Фабрики – кухни). Эсэсовцы должны отправить в лагерь Дахау еврейского врача. Но у него много лет лечится генерал. Не выздоровеет без доктора Мамлока. Врач гибнет в Дахау. К чему рассказываю полусонному Изе. Может быть, фронт близко?

– Враг остановлен на дальних подступах к столице, – зевает Изя.

– Дай слово, ты Федор, или Степан.

– Даю. Если не забуду. Федя Иванов.

Ночевали в пустом поселке на сене. Здесь есть коза. Подоить бы. Но надо уметь.

Проснулся ночью. Холодное осеннее небо. Сумрачно проступают под звездами высокие ели. Сказал самой далекой звезде: – Я вывел ребят, не знаю куда. Прости меня. Звездочка вмиг загорелась ярче.

– Дураки мы, надо возвращаться в детдом, – ныл Изя. Он осунулся и побледнел.

– Иди – сказал я.

Шли по пустынной дороге параллельно каналу. Агей не давал завалиться в усталости в придорожные кусты. На дороге первые за два дня люди. В плащах– накидках от дождя. Немцы. Молодой, лет девятнадцати. Второй значительно старше, скучное лицо. Мы смотрели на автоматы, дулом в землю. Стоит поднять ствол и... чувство тупой покорности. Молодой спросил о чем – то. Сквозь страх понял *Wohin kommen sie* – куда вы идете.

– *Nach Moskau*. В Москву. Если придется говорить, поневоле отвечу на идиш. Настоящего немецкого я не знаю. Молодой засмеялся и показал в сторону, откуда мы пришли. Москва была за спиной. По каналу мы шли от Москвы. Нас повели в лес. Вершины деревьев враждебным гулом откликались на порывы ветра. Смеркалось, загустел холодный туман. Шли недолго. Семеро немцев сидели на округлой поляне. Еще один вернулся с сухим валежником для костра. Другой резко сказал что – то, не разрешил. Офицер. Полистал пузатую немецкую книжку, выговорил по слогам: – Как ваше имя?

– Борис Агеев.

– Владимир... Петров.

– Израэль.

Немец насторожился. – Конец, подумалось тупо.

Отто, так называли офицера, изучал форму уха Изи. – Der Jude, – сказал пожилой солдат. Еврей. Отто, припоминая русский, выдал – раздевайте ты и ты. Я снял штаны и трусы. Офицер посмотрел на мой скукожившийся член. На письке Изи явный след обрезания крайней плоти.

Немцы выглядели устало, будто шли много дней подряд. Легли, накрывшись плащ – палатками и мгновенно уснули. Изю положили отдельно от нас между двумя солдатами.

– Смотри, часовой стоя спит, шепнул Агей. – Солдат стоял, упирая спиной в дерево, закрыв глаза.

– Убежим, – шептал Агей.

– Изю жалко, давай разбудим.

– Будем в него шишки кидать, – Агей всегда находил простое решение. Изя не просыпался. Одна шишка угодила в солдата. Немец пошевелился.

– Нас троих тащить им смысла нет – шептал Агей. – Заведут поглубже в лес и... Светало. Вежливо застучал дрозд. Изя проснулся и сел. Тупая покорность в глазах. Лежащий рядом немец сказал ему что – то. Изя явно не понял. Понял я: – «мое имя Франц». Я не мог услышать немца за несколько десятков шагов. Но высшей силой понял в тишине немецкое: «Майн наме ист Франц.» В следующей жизни несколько раз случалось то же, когда темный круг событий сужался. Может быть, я слышал ожидаемое. Солдат подтянул штаны, застегнул широкий ремень. На оловянной пряжке читалось «Gott mit uns». «Бог с нами». Поднял автомат и пошел сменить часового. В предрассветной мгле они тихо разговаривали и курили.

Солдаты стояли к нам спиной.

Мы ждали.

Пересечь поляну Изя не смел. Понял, сейчас уйдем.

Под его жутким взглядом отползли ближе к опушке и побежали. Услышал топот сапог и мерное дыхание. Обернулся и узнал в лицо Франца. Немец ударил и я упал, прикрывая голову руками. Он больно ударил сапогом под ребра. Через минуты я, как запуганный зверек почувствовал, рядом никого нет. Запах влажной земли, прелых листьев и увядающих трав. Брел лесом, пока окончательно не рассвело. Взгляд Изи виснул надо мной.

Горит восток зарею новой. Заря – восток. Прямо на запад может быть фронт. Канал искать надо.

– Ты дурак или идиот, – окликнул меня Агей. – Куда ты прешь? – Спасен, подумал я. – Мы здесь проходили, буксир «Третья пятилетка» близко.

У ворот детского дома стояли автобусы. Нас срочно эвакуировали с приближением фронта, который «остановили на дальних подступах к столице». Наш автобус возглавила сестра – хозяйка Августа. – Где Изя? – спросила. – В другом автобусе.

Вернулись в первый день московской паники. Грузовики, троллейбусы набитые людьми и жалким скарбом тянулись к вокзалам. Патрули ловили мародеров. Дома увидел старую, толстую, обожаемую Фриду. Рассказал ей, она не предаст. Характер нордический, стойкий.

Владимир Германович и Мадам в эвакуации за Уралом. Ключ от квартиры оставили Фриде, для Изи. Родители его искали, писали Фриде. Вернулись через полтора года. Вскоре вернулась мама. Думаю, Фрида ей все рассказала. Об Изе мама не упоминала. Мне почти четырнадцать. Сил нет подняться на третий этаж. Врать, будто Изя отстал при эвакуации и может быть за линией фронта у партизан. Скоро Красная армия освободит нашу землю до самой границы и он откликнется. Вранье звучит наивно, решающей встречи с Ляйнбогенами я боялся. Они расстроены моим кажущимся невниманием.

С понедельника начинаю новую жизнь. Осилю чертову геометрию. Буду подрабатывать на разгрузке у магазина. Пойду в спорт. Гребля для общего физического развития. Уверенный в себе, пойду к родителям Изи и расскажу правду. Так я откладывал третий этаж со дня на день. Новая жизнь не начиналась.

Ляйнбогены переехали на Вторую Мещанскую. Избавились от тети Грани и командира полуроты.

Мать Агея умерла. Он пошел в ремесленное училище. Живет в соседнем доме, но встречаемся случайно. Говорить не о чем.

Лет через шесть после войны мы с будущей женой пустились в волжский круиз. По сговору, поездка должна наконец прояснить наши довольно запутанные отношения. Агей плывал механиком на белоснежном лайнере «Михаил Кутузов». Со второй встречи пили в каюте в память Изи. Будущая жена плакала.

Я уже помню страх в коротком плену. Думаю о часовом. Франц меня уложил и мог догнать Агея. Отпустил нас. За детей вину взял, вермахт не простит. Франц видится мне строгим сельским учителем. Встреть мы в тот день красноармейцев, отвели бы к круглой поляне и, может быть, Франца убили. Нет грани зла и добра на войне.

История сражения под Москвой стала моим хобби. Со временем узнал, почему низкая долина у канала Москвы была безлюдна. Существовал план спуска воды Истринского водохранилища, чтобы затруднить прорыв немцев к Москве с северо-запада. Людей из долины вывезли еще в сентябре. Суровой зимой 1941 водохранилище рано замерзло. Группа Отто, встреченная нами, была дальней разведкой. Немцы захватили город Истру в ноябре.

На Второй Мещанской я, в порыве сентиментальности, побывал. В домишке настолько ветхом, что стены подпирали снаружи деревянные балки. Бедная квартира старых людей. Мне были рады. Узнал низкий абажур над столом, сейчас покрытым нечистой клеенкой. Венецианскую вазу зеленого стекла. Вторую, парную погубили мы с Изей, пытаюсь вскипятить в ней воду. Разговаривали о житье – бытѣ. Я был стилигой, в галстукѣ «пожар в джунглях». Владимир Генрихович моды не принял. Старая Мадам думала о чем– то далеком от этой комнаты, от разговора. Обитала ли она в подлунном мире. Несколько кратких минут я вглядывался в портрет Изи, увеличенный со школьной фотографии.

Отнюдь

Слово Отнюдь означает: никак, нисколько, никоим образом, ни под каким видом. Выражает строгий зарок или запрет».

Владимир Даль, «Толковый словарь живого русского языка».

В Интернете статья «Толкование слова Отнюдь» прочитана 29990 раз.

В аэропорту Шереметьево им предложили оставить теплые вещи, уложить в пластиковые мешки: летели далеко на юг. Тащить из чемоданов гавайские рубашки и снимать зимнее нижнее бельё в зале, в отгороженном углу, на людях, неудобно.

– Ах, пусть смотрят, сказала Тина и попросила мужа расстегнуть на спине тугой лифчик. У трапа образовалась минутная толкотня, пропускали вперед западников, видимо, англичан. – В *своей* стране они не поднимаются в самолет впереди иностранцев, подумал Вадим. Тина и Вадим летят в Индию и далее на Андаманские острова. Непроходимая глухомань.

В эту минуту прошли трое в гражданском. Двое на одно лицо, третий с зловещей заячьей губой. Глядели буднично и отчужденно. Тина поняла нечто, впилась в мою руку ногтями. Больно.

– Следуйте.

– Чемоданы без нас улетят? – Тина.

Подумалось Вадиму никчемно: они всю ночь работали. Оформят нас, пойдут домой подогретый кофе пить и лениво разговаривать с женами. Завалятся в дневной сон и в полу сознании этого последнего задержания не увидят.

Тягач вывел самолет на припорошенную утренним снегом полосу. Взвыли турбины, крылья самолета заметно подрагивали перед рывком. Стало теплей.

– Следуйте.

ВАДИМ. В старших классах московской школы он подрабатывал трупом, в Театре советской армии. Шла военная пьеса. Расходится занавес ко второму действию, сцена черна. Постепенно светает, видны тела бойцов. (Из кулис тянет понизу могильным холодом). Чтоб не шелохнуться, не моргнуть, думай о приятном: недалеко девушка кокетливо лежит, в солдатских сапожках... Когда слышна канонада и актеры говорят в зал громко, можно шептать, не повернув головы. Так однажды познакомился Вадя с Романом Ромодиным.

Потом Вадя лабал джаз. Дул в трубу корнет – а – пистон. Знал, обойден природой музыкальностью. На людях не звучит труба мягко, тоскливо и сладко, не разливается просторным речитативом безнадежной грусти о прошлом. Дома вечером, выпив немного коньяка, Вадим гладит всегда теплую медь корнета. Вспоминает, как в армии трубил «зарю» и «спать, спать по палаткам». Вложив сурдину, наигрывает «Голубую рапсодию» и «Звездную пыль». Спокойные, безупречные мелодии. Тихое звучание. Шепот трубы:

Под мостом Мирабо тихо Сена течет
И уносит наши мечты.
Минуют воды Сены и дни любви.

Он играл с влажными глазами о любви, которой не знал. Сосед стучал в стену.

В оркестрике смешные заработки, так – на индийские джинсы. Клево лабать жмуриков. На кладбище Вадим проникался общим безысходным чувством. Его тихо приглашали в автобус с черной полосой, ехать на поминки. Вадим отказывался: не длить сумрак слабой души.

Играли на танцах пока не рухнул Главрепертком. Умирают в России страхи, открылись вольные поля. Группа назвалась «Воздушный шар». Для провинции это первый бойз-бенд, мужской оркестр, жесткий. На афише заветное – Москва. На гастролях зажигали, созвучно времени, тяжелый рок. Иногда Вадим опускал трубу и резко вскрикивал. Не он это придумал. Не зная английского, ребята на сцене громко обменивались путаными фразами. Много пили и веселились с девицами. Вадим сторонился и музыкантов, и девушек – нахальных и опасных фанаток. Автограф даст, в гостиничный номер не впускает.

В Североуральске стучат неумные фанатки в двери клуба, кричат: «Мальчики, на автографы выйдите, не будьте жлобами!». Одна крикнула: «Не выйдете – не встану» и плюхнулась лицом в снег, мороз за двадцать. Ждем десять минут – лежит, пятнадцать – лежит. Замерзнет, до больницы. Вышли. Девочки закоченели на ветру. В клуб всех отвели. Катя, которая вниз лицом лежала, потом вышла замуж за осветителя.

Той же зимой в Златоусте, стук в балконную дверь. Фанатка по виду. Лет шестнадцати, но в теле, пиджачок фирменный маловат. Взяла ли у подруги надеть. Поверх зимних джинсов короткая юбка. Тяжелый рок задает и обещает ритм новой жизни.

– Ты как сюда попала.

– Соседний номер пустой, перелезла. Дай автограф. Расписался на афише, она мнется, не уходит.

– Вадик, можно я подругам скажу, что мы с тобой напились и...трахались.

– Спрашиваешь зачем?

– Приметы нужны, не поверят. У тебя нет ли шрамов, родинки ниже спины?

– Поперек живота два шрама за русско-японскую войну. Ушла победительно.

В Москву вернулись к весне. Ехали поездом и видели серые, готовые вскрыться реки.

Был я Вадя. В тусовке прохожу Вадиком еще лет десять. Скорбно. Завязывать надо, бежать. Меня зовут Вадим. Душа моя проста, мысль робка и сера. Я не разделяю ничьих взглядов и не имею своих. Дремотно ночью, спишь и помнишь, что спишь и утром должен на что – то решиться. Поехал в Химки и бросил корнет в Москву – реку. Труба скрылась мгновенно, беззвучно, и не больно мне. Поставил выпивку музыкантам, осветителям, звуковикам. Многолюдные поминки.

– Мы чудно повеселились пару лет... прощайте, и спасибо.

Далее мысли вязли, в вуз ли поступить, или менеджером по продажам. По пропажам. Все торгуют.

Мать, занятая собой, ухоженная, с претензией на гламур, свирепеет под тяжелый рокот рока. Видит занятие Вадима недостойным. Недостойным чего? Узнав о гибели трубы, на радостях купила Вадику путевку в Крым.

Ах, Гаспра! / В парке Чаир распускаются розы/ В парке Чаир наступила весна/ Снятся твои золотистые косы/... На дорожках светлого песка встретил он Тину. Обнимались и шептали друг другу на ухо, что в голову придет. Такая была, обещавшая полную, невозможную и неизбежную близость, их игра. Но не сказаны откровения о прошлом, о тайне и величии страсти. Обессилев от любви, они уехали в Севастополь.

Билеты достались на старый и небольшой пароход, но каюты под вишневое дерево. От Ялты довольно сильно качало, в баре кроме них и пьяного в лоск бармена, никого не было. Бармен пытался пить боржомом из бутылки, облил лицо и грудь. Снял белую крахмальную рубашку и остался в тельняшке.

– Я вообще-то военный моряк. Прощай, оружие.

Качка усилилась, валило на борт. Бутылки в стойке бара злобно звенели.

В Севастополе ветер раскачивал суда у причалов. Скрипели якорные цепи. Ветер продувал белую аркаду Графской пристани. Он стих к полудню, купались на диком пляже в виду обломков античных колонн Херсонеса. Поднялись на Сапун – гору. Тихо, священно, пустынно. По углам площадки памятника четыре высоких каменных шара. Тина взобралась на шар фотографироваться. Ветер с горы схватил ее платье, обнажив белый, не загоревший живот. Она, стоя на шаре над Вадимом, засмеялась чисто. Подобрала платье. Моя, – сказал себе Вадим в пронзительной, горячей пустоте. – И Тина поняла, мой муж.

Жизнь Тины проста, как неожиданный тихий ручей на поляне. Она живет в московских старых Филях. Девочка забралась в трамвай, ехать во Дворец бывших пионеров. Заблудилась, конечно. Москва верит слезам. К вечеру она дома ревела. Позже родители заметили, дочка – подросток слышит музыкальный ритм и подергивает в такт остреньким плечиком. По случаю, они жили близко к районному Дому культуры, и записали Тину в балетную студию. Ставили с песнями и танцами пьесу Корнея Чуковского «Приключения Бибигона». Тина танцевала плохо. Ей доверили читать вступление. Тина помнит мрачноватый зал. Она, одетая мальчиком, с ужасом живота, со сцены:

– Нежданных происшествий длинный ряд/ Мы развернем пред вами в пестрой сцене. / Вас чудеса сегодня поразят, /Каких никто не видывал на сцене.

Из балета Тину отчислили. Мама пошла узнать.

– Девочка ваша поправилась, и в общем склонна к полноте. Как и вы сами, Лизавета Ивановна. Мама расстроилась: зверинец, да и только.

От хитрых и завистливых балетных Тина ушла в техникум. Там дружила и целовалась с Натаном. Его все любили за беспокойный, легкий на безобидные приключения нрав. Ночью Тина думала, выйдет ли замуж за Натана. Как это будет. Его увезли в Израиль, она закручинилась надолго. Пережила оторопь глянцевого журналов, и безумство дискотек.

После техникума Тина работает нормировщицей в цехе. Балетные при встрече гогочут, им она неинтересна. Ей хорошо, не в ларьке торговать, не по кастингам бегать.

Шумит, как улей, родной завод. В цехе сплошь мужики. Слесари хватают готовые детали с автопогрузчика, чтобы сдать их же еще раз. Мастера смотрят презрительно, обзывают шипачами. Начальник смены зовет Тину в свою застекленную будку. Когда-то задернул занавески, взял молодую за зад и поцеловал вялыми старческими губами. Она жестоко ударила. Воцарился мир.

Имя Тина – Алевтина ей идет. В цехе ее берегут, замуж не выйти. Да не пойдет за заводского. Замкнутые и себе на уме москвички миловидны и сероглазы.

Вадим второй год корпит в туристической фирме «Мария». Дело было так. Друг из бывших школьных лет Рома Ромодин пригласил и запряг. От его бурной активности Вадим уставал. Рома видный парень, продавщицы и кондукторши ему улыбаются. В Советии трудился в профсоюзах и вышел на международный туризм. Ради заграницы ему льстили, задаривали мужчины. На их деньги он водил в рестораны женщин. Те были иногда снисходительны. Милан и Брюссель, Париж и Лондон стоили мессы в холостяцкой комнате, на два – три часа. Вадим ничего не просил и ездил один раз в Мадрид. Видел памятник Колумбу, огражденный мощными струями падающей сверху воды. День вырвал на музей Прадо. Не слушал гида: живопись ясна, или загадочна, без слов. Он не чужд, как говорят.

Фирма прижилась в двух невзрачных, с лампами дневного света под потолками, комнатах на Арбате. Вадим отправляет молодых матерей с детьми к морю в Анапу и Евпаторию. В следующую неделю холодно глаза девицы стандартного размера отбудут в Сочи. Самые дорогие и длинноногие, отважно жесткие, ринутся в Дагомыс, обещающий большие возможности.

Настоящий бизнес «Марии» черен: операции с заграничными турами, оплаченными черным налогом от фирмы «Дженерал Идиотик энд Паралитик» – так именовал ее Рома. Липовые московские регистрации. Банковские счета и деловые связи унес в новую жизнь Роман. Мелкий, скучный бизнес.

«Позвоните нам сейчас, пакуйте вещи через час» – наш слоган.

Так жили года три. Вышли на уровень: принимаем заезжие туры в Москве. Нервно. Пенсионерка с жалобой – украли вставные челюсти. Без них не может дышать. Потеряла, конечно. Валерьянка, скорая помощь. Казанские фаны, едучи на матч со «Спартаком», режут сиденья в автобусе. После матча, на аэропорт даю им тот же автобус. Водитель сворачивает на грунтовку и останавливается в лесу.

– С вас сто тысяч за ремонт.

Блокирует двери и курит под сосной. На закате поорали, протрезвились, собрали сумму. Самолет давно в небе.

Ни дня без горького смеха. «Без балды» – говорит Рома. Держим постоянные номера в отеле и когда туристов нет, пускаем на сутки серьезных, не шумных и сравнительно дорогих проституток, работающих «от себя». Соблазн вкусить эротики. Роман не упустил случая. Я же не могу. Допустим, постучался в номер, открыла на знакомый голос. – Привет, Валя (Нина, Фрида, Ксюша). Надо дальше бодрячка строить, что говорить?

– По знакомству по пришел? Случайно, под коньяк, обмолвился Тине.

Загорелась.

– Как интересно. Поведи меня ночью поглядеть. Она всю ночь голая лежит?

– Извращенка.

Торговали виагрой. Бывает, мужик в возрасте, не уверен. Хочет больше, чем может. Или провинциал не знает, что и в аптеке можно купить. Тогда Рома дерет с него непомерно.

Пошли деньги, до черного мерседеса еще далеко. Увеличили штат на оператора Асю. Приятная женщина, полновата. Русской стати. Обходительна, что же пошла за мизерные деньги? Рома, конечно, клинья подбивал. Поизносился он, те же анекдоты с намеком, невзначай рука на женском колене. Асе он равнодушно – скучен.

Месяца через два я случайно вытянул из архива картонную папку. В шкафу пыли на три пальца, никто не заглядывает. Одна же папка чистая среди других. С копиями наших документов и счетов.

– Ася, зачем бумажки плодить.

Она вздрогнула и не обратив на меня лица вышла. Следующим утром ни Аси, ни папки. Месяц нас в прокуратуру тягали – миллион налогов, да кража из бывших профсоюзных фондов. Проститутки, наконец. Мы их не сдали. Рома спасается сам по себе. Я заказал с чужого компьютера авиабилеты на Андаманские острова. Дальний угол Индии славен пигмеями. Зубрил английский по вечерам. Тина рада экзотической поездке, не знает, что билеты в один конец. Купила сари, поставила красную точку замужества на лоб. Сари спадает каждые десять минут. Тина остается с красной метой супружества на лбу. Не жена мне. Обещала, но по уголовному делу забыла.

Вот я в тюрьме. Играю на казенной трубе и тем спасаюсь. Судили Рому, и меня как подельника. Ему дали значительно, мне оптимистично. Есть время подумать, как мы живем. На суд Тина не пришла, родного лица в зале не видел. Перед этапом в колонию положено свидание. Она его не просила. Забыла Сапун-гору и купание у Херсонеса. Ничто ни к чему и никого отнюдь не обязывает. Хорошо, ребенка нет. Рома, друг, на сцене рядом трупами лежали. Отнюдь не надо об этом напоминать. На суде все на меня валит. Но судья отнюдь не дурак.

Нет мысли Асе мстить. Это в кино освобожденный за примерное поведение уркан приходит с ножиком.

Здесь я стал мудрей. Следуйте за мной:
Переходите улицу на зеленый свет.
Платите налоги. Они украшают жизнь.
Спите с разведенными женами. Это украшает их жизнь.
Не шутите при начальнике конвоя. Получить по почкам – две недели писать тонкой прерывистой струйкой, с кровью.
Если в камере есть шнур на бельевом мешке, не вешайтесь на нем.
Не расчленяйте трупы. Не смотрите поксу на телевиду.
О чем бы ни спросили, отвечайте – «отнюдь».
Дружите с детьми, но это отнюдь не значит, что они ничего не напишут гвоздем по вашей машине.
Когда умрете, всё забудьте.
Пока, пишите мне в колонию: п/я № 5672. Отнюдь.

Германистка и Борис

Лейтенанты из хороших ленинградских, московских, севастопольских морских семей женились непременно на красавицах. Рождались благополучные дети. Юные романы серьезные и трогательны. Выскочишь в воскресенье из флотской казармы. Она ждет и ветер с Невы треплет и пушит девичьи волосы. Набережные и парки людны, целоваться негде. Ничто другое и не подозревалось. Красавицы уезжали с лейтенантами в дальние базы, полагая в каждом будущего адмирала, уносясь мечтами на Невский проспект. Сырая пурга, когда от дома к дому бредешь по единственной улице военного городка, холодит ноги в тонких чулках.

Сжав жемчужные зубки, Вера двигала мужа Борю вслед за солнцем на запад. Они служили в Находке, Владивостоке, с годами в Севастополе и Калининграде. Вера тонко действовала старинным и надежным оружием – швейной иглой. Светская портниха адмиральш. Утробное, невыполнимое желание – ткнуть иглу в круп Анны Дмитриевны, командирши краснознаменного Тихоокеанского флота. Но с Анной Дмитриевной вышло хорошее повышение по службе – в Северодвинск. Вера готова ехать на Север, но мальчику тяжелы полярные ночи. Она обосновалась в Москве, ждали контр – адмиральских погон для Бориса.

В молодости Веру смущал малый рост, позже она приняла генетическую неизбежность полноты. Научилась не стоять при людях рядом с высоким Борисом, что выглядело бы комичным. Не жестикулировать маленькими ручками, и улыбаться. Примерив на себя образ улыбкивой, немногословной блондинки, она приятна со всеми. Студенткой она избрала германистику. Побывала в Германии, влюбилась в немца. Отношения были романтические с очень настойчивым приглашением к сексу, но Вера чувствовала бесперспективность этой любви. Жить в Германии она не хотела. Первым мужчиной стал Борис.

В новые времена Вера почитывала немецкие газеты. Педантичным на пути к цели, работающим и честным немцам она симпатизировала. Их язык, организуемый глаголом, побуждал к действию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.